

Оксана Кирсанова

Радуга взаимности

18+

Оксана Кирсанова

Радуга взаимности

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кирсанова О.

Радуга взаимности / О. Кирсанова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Перед вами история трогательной, таинственной и сложной школьной любви, где последний звонок стал лишь началом непростых испытаний для ее героев. В первой части романа она – юная, несколько наивная ученица десятого класса, он – молодой, женатый учитель химии, прочно стоящий на ногах и внезапно ощутивший волны давно забытого чувства. Ей предстоит изучить оттенки многоликой человеческой любви, ему – преодолеть страх быть отвергнутым и брошенным. Что приготовила для них судьба в этом воплощении? Какую оценку они получают в аттестат зрелости своей души?

Содержание

Пролог	5
Август 2012	6
Олеся	10
Глава 1 Школьные зарисовки	11
Дневник Олеси, ей 15 лет	14
Декабрь 1995 г., дискотека	15
Павел	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пролог

В далеком и прекрасном мире жили-были несколько друзей. По земным меркам они были бесплотными духами, поскольку состояли из тончайшей материи еще не открытого на Земле вещества. Вероятно, это был газ, потому что только в нем молекулы располагаются хаотично, на больших расстояниях друг от друга. А может быть и нет. Мы еще не знаем этого. Здесь, дома, души наслаждались заслуженным отдыхом и готовились к очередному уроку. Что изучить, испытать? В какой стране родиться, каких родителей выбрать, какой профессии посвятить свою жизнь, чтобы максимально прочувствовать и прожить поставленные задачи? Наши друзья понемногу начали задумываться о предстоящем воплощении.

– Я хочу в этой жизни изучить многоликую любовь, – поделилась планами одна из Душ.

– Всю сразу? Это очень сложный урок. Что можно сделать за 70-80 лет? Двадцать из которых ты будешь только взрослеть, и еще пять – десять тихо стареть? – возразила ей другая Душа.

– И все же я хочу попробовать. Помогите мне, пожалуйста. Ведь мы частички одной Высшей Души.

– Безусловно, я помогу тебе. Но сначала мы должны посоветоваться с Наставником. Таковы правила. Если Он одобрит наш выбор, я с радостью последую за тобой. Тогда мне тоже нужно будет запрограммировать урок, адекватный твоему. И вместе мы постараемся достичь общей цели.

И Души обратились за советом к Наставнику.

– Да, вы можете попробовать. Это будет трудный урок. Любовь всегда идет в ногу с прощением. Поэтому нужно будет научиться искренне прощать и отпускать. Любя, отпускать, наступая на горло своим чувствам, желаниям и сиюминутным потребностям. Любовь невозможна без слез, ревности, отчаяния. Порой безысходного, безнадежного, беспросветного отчаяния. Вы должны это понимать. В особенность ты – Та, кто идет навстречу любви. Помните, родившись на Земле, вы забудете зачем пришли. Я буду мягко направлять вас обоих и давать советы время от времени. Только советы. Еще раз повторяю, помните – это ваши уроки, вы сами их выбрали и сами должны изучить и сдать экзамен. Пройдите испытания до конца. Я желаю вам удачи и жду домой в назначенное время.

Август 2012

– Ты опять плачешь! Ты мама двоих детей, один из которых вот-вот пойдет в школу. Ты должна думать о тетрадях, белых бантах, торжественной линейке и огромном букете гладиолусов, – громогласно рассуждала Марина, глядя на вздрагивающую от рыданий Олесю.

Прислонившись к столешнице, держа в руке чашку с горячим чаем, Марина в который раз пыталась вразумить подругу. Олеся примостилась на краешке стула за обеденным столом, поджав ноги, и напоминала нахохлившегося воробья. Ее волосы были растрепаны, заколка, державшая пучок, давно съехала на бок, но она этого не замечала. Ссутулившись, сгорбившись, она сосредоточенно смотрела в чашку, как будто пыталась по ней разгадать будущее.

– Не шуми, пожалуйста... Диме еще час спать нужно, – прошептала Олеся и подняла на Марину зареванные глаза, – а гладиолусы уже не в моде.

– Одумайся! Твои мысли заняты только одним: сможешь ли ты увидеть его 1 сентября. Опомнись, подруга! Давай! Ты же всегда была сильной. Хотя бы ради детей, им нужна счастливая мама! – продолжала Марина, активно жестикулируя и рискуя вылить на себя еще не остывший чай.

– Я... я не могу... – сквозь поток слез, с полным отчаянием в голосе пролепетала Олеся, – понимаешь, не могу! Я люблю его, люблю! Как тебе объяснить, что такое любовь, если ты никогда ее не испытывала?

– Знаешь, я ведь и обидеться могу на такие слова. Могу, но не обижусь.

– Извини... Я немного не в себе.

– Ты много не в себе. Олесь, все любят и очень многие страдают. Ты не одна такая на свете и случай твой не уникальный. Сколько песен о любви написано, заметь, в основном о несчастной. Когда все хорошо, не тянет стихи писать, драйв на другие вещи уходит. Вдохновение страдальцев обычно посещает. А я, да, я не страдала от любви, и это не значит, что я не любила. Просто я умею не оглядываться назад. Закончились отношения, значит закончились. Значит, так нужно. Помнишь, ты сама мне читала стихи Андрея Дементьева?

– Да, помню, там даже закладка лежит на этом стихотворении. Читаю как аффирмации.

Марина взяла томик стихов, лежащих здесь же, на комодке, и зачитала первые два четверостишия.

Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.
Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе.

– Не нужно, Олесь, не нужно мучиться из-за того, что невозможно, – закончила мысль Марина.

– Я не могу...

– Я знаю, что можешь. Тебе никто не запрещает его любить. Только терзать себя и рыдать прекращай. Больше, чем есть, не будет, ты же сама знаешь... А, Олесь?

– Угу... знаю... я знаю, что опять ему поверила, а он опять испугался своих чувств. Или моих. Уже не важно, – задумчиво и грустно ответила Олеся.

– Просто забудь, – Олеся села за стол, рядом с Мариной, – как ты Саше объяснишь причину своих слез?

– Он поздно сегодня придет, к тому времени я успокоюсь и буду в норме, – пообещала Олеся.

– Пойми, этот твой директор – эфемерная личность: сегодня здесь, завтра там. Сегодня приголубит, завтра оттолкнет. Он не то, что слез, он мыслей твоих не достоин. Хочешь любить – люби, но не во вред своей семье, – Марина, как всегда, была непреклонна в своих суждениях, а сейчас еще и абсолютно права.

Олеся встала и подошла к открытому окну. «Лето. Все люди любят лето, почему опять все это случилось летом, почему? Почему я не могу прийти в себя, почему все время плачу, ну лето же, должно быть весело... всем весело, а мне нет. Нужно, наверное, уже что-то пить от нервов», – мысли Олеси текли беспорядочно и неспешно.

На детской площадке, радуясь последним дням свободы, резвились дети, видимо, младшие школьники или старшие детсадовцы. Они с криками носились в детском городке-горке, играя в салки, а родители хватались за сердце при каждом их вираже. Особенно мамы. Папы почему-то никогда не думают о плохом. Упал и упал, подумаешь, с кем не бывает. Лавочки оккупировали пенсионеры и мамочки с колясками. Казалось, все вокруг дышало любовью, покоем и счастьем.

– Устала я от этой любви, *устала*. И выгнать из сердца никак не получается. И понимаю все, и мужа люблю, – Олеся уже не всхлипывала, повернулась к Марине и еле уловимо улыбнулась.

– Вот и прекращай себя истязать. Ну, Олесь, правда. У тебе все хорошо, зачем он тебе?

– Люблю я его. Думала, после откровенного разговора мне станет легче, все устаканится. А он не захотел выслушать, а потом и вовсе исчез.

– Кто его поймет... Вообще странно как-то, – Марина задумалась.

– Самое неприятное, что вообще ничего не объясняет, пропадает и все. Я не хочу близких отношений, я хочу дружбы, как бы странно это не звучало, – пыталась объяснить Олеся, – может, он поэтому перестал писать?

– А почему тогда не захотел с тобой встретиться, когда ты предлагала? Нелогично. Олесь, ты все время под него подстраиваешься, а он вертит тобой как хочет. Не думала, что он может быть таким.

– Я сама не знаю, что хочу. Но быть его любовницей... пожалуй, нет. Не для меня эти треугольные страсти. Четырехугольные. У него жена есть.

– Да, понимаю. Ты и раньше больше к нему душой тянулась... а не ...чем-то там еще. Но Олесь, он же явно дал понять: встречаться с тобой не намерен: ни для разговоров, ни для чего-то еще, – напомнила Марина.

Эти слова отозвались болью в душе Олеси. Она физически почувствовала, как внутри, из живота, нарастает волна непонятного страха. Руки вспотели, пульс участился, в ушах появилась вата. «О нет, только не сейчас». Она быстро подошла к столу, одним махом выпила уже практически холодный чай, заев чем-то сладким, что попало под руку. Поняв, что приступ в этот раз отступил, нашла в себе силы продолжать разговор.

– Это и обидно. Неужели я не достойна того, чтобы просто со мной поговорить? Так сложно? Занят, он, видите ли. Вот скажи, как так можно: пропал и все. Писал-писал письма, и пропал, как будто и не общались совсем, – Олеся сильно переживала.

– А ты не думала, что с ним могло что-то случиться?

– Ничего с ним не случилось, ходит на работу, я специально интересовалась этим вопросом. Тоже все никак не могла поверить, что наш обожаемый директор взял и свалил без объяснения причин. А он, видишь, «жив-здоров и даже довольно упитан», – Олеся процитировала слова главной героини из любимого фильма «Москва слезам не верит».

– Понятно... Нужно забыть, выбросить из головы, из сердца – из всех частей тела! – пыталась пошутить Марина.

– Если бы было все так просто...

– То есть тебе нравится все время отдавать, истощая свою нервную систему, да? Ты же ничего, совсем ничего не получаешь от этой любви, одни слезы. Кому нужен этот альтруизм? Я вообще не понимаю, откуда силища берется на такую отчаянную любовь?

Марина, экономист по образованию, пыталась из всего извлекать прибыль. Вот и сейчас она активно старалась убедить подругу в том, что просто так отдавать – глупость, нужно что-то получать взамен.

– Слабость это. Не сила, – Олеся нервно рассмеялась. – Была бы сильной, давно б забыла, а так, видишь, мучаюсь и думаю посетить психотерапевта.

– Да нет... Слабость – поддерживать близкие отношения, когда понимаешь, что у них нет будущего, но получать удовольствие друг от друга хотя бы иногда. А у вас что? Ересь какая-то. Столько лет носить в сердце любовь, безответную и безнадежную, как это?

– Ну... не совсем уж безответную-то... – пыталась возразить Олеся.

– Зато категорически безнадежную, – закончила Марина, и в ее голосе послышались и жестокость, и сочувствие одновременно.

Олеся тихо согласилась и пропела: «Безнадежная любовь, безответная, а была б она твоя – беззаветная».

– Помнишь? Тогда Аллегрова была на пике популярности.

– Да-да. А ты под эту песню предавалась меланхолии. Нашла, что вспомнить. Теперь можешь петь по Ваенгу, если совсем себя угробить хочешь.

– Я хочу, чтоб это был сон, но, по-моему, я не сплю, я болею тобой, я дышу тобой, жаль, но я тебя люблю, – нараспев проговорила Олеся слова из «Шопена».

– Т-а-к, – протянула Марина, – чтобы я больше этого не слышала. Что за мазохизм? Немедленно прекрати.

Подруги налили еще по чашечке чаю, Олеся накапала пустырника, и после обсуждения очередного Маринино бой-френда начала потихоньку успокаиваться. Мужчины в жизни Марины занимали ключевое место. В этом подруги были совершенно не похожи друг на друга. Тихая Олеся и взбалмошная, никогда не унывающая, темпераментная Марина – всегда страстно влюбленная (в этот раз уж точно на всю жизнь) в самого лучшего мужчину в мире. Беда в том, что самый лучший мужчина был таковым максимум полгода.

«Все проходит. Пройдет и это. Когда-нибудь обязательно пройдет», – успокаивала себе Олеся. Все, что она сейчас хотела – забыть. Даже воспоминания отражались болью в сердце, а ведь еще недавно были счастьем и радостью. «Нужно брать себя в руки, не хватает мне еще панических атак. Да, он в очередной раз оттолкнул меня, и опять сделал это грубо и больно, думая только о себе. Но теперь-то мне не шестнадцать, справлюсь как-нибудь. Зато хороший урок будет: не влезай, убьет».

Марина убежала по делам. Закрывая дверь, Олеся бросила взгляд на тумбочку, где лежала бесплатная районная газета. Заголовок на первой странице гласил: «Все только начинается». Статья была о новом скандальном благоустройстве ближайшего парка, но Олеся эта фраза привела в смятение, и слезы снова устроили ей дружную капель.

Послышался детский плач. Олеся вытерла скатившуюся на щеку слезу и побежала в спальню. Димка лежал в кровати и хлопал глазами. «Господи, спасибо тебе за Сашу, за Диму и за Юлю. Сделай так, чтобы я оставила прошлое в прошлом и жила настоящим», – искренне помолилась Олеся.

Но прошлое не хотело быть прошлым, оно рвалось наружу старыми дневниками, много раз перечитанными, местами с расплывшимися от слез чернилами; тетрадями, где его рукой были поставлены пятерки; школьными фотографиями, как будничными, внезапными, так и

чинными, торжественными, сделанными в актовом зале. Были электронные письма, датированные уже этим веком, фотографии с вечера встречи выпускников, но главное – на том же месте стояла школа, та самая, которая помнила Олесю юной девушкой, и куда через несколько дней в первый класс пойдет ее дочка.

Олеся

Конечно, я знала, что он все видит. И вся школа видит и знает, что я до одури влюблена в своего учителя химии. История стара как мир и как этот заезженный оборот речи. Только история историей, а бредила я совершенно реально. Это помогло мне знать на «отлично» его предмет, который, надо сказать, до этого я жутко ненавидела, потому что не понимала.

Я училась в обычной дворовой школе в начале девяностых, где иметь хорошие оценки было стыдно, где прямо на уроке тебе могли поджечь волосы зажигалкой или треснуть по голове; где во дворе школы под ноги бросали самодельные взрывалки и дико ржали над твоим страхом. Из учителей я могу с благодарностью вспомнить только двоих – учителя русского языка и литературы в шестом классе и учителя географии – в седьмом. Остальным до нас не было никакого дела, они старались выжить и прокормить свои семьи, когда страна переживала те самые «лихие девяностые». Бывало, учителя приходили на урок подшофе, а бывало, и совсем не приходили. Бесконечные замены со словами «вы здесь тихо посидите, займитесь своим делом», не способствовали повышению успеваемости класса. Хорошие учителя у нас дольше года не задерживались.

Училась я на «четыре» и «пять», однако знаниями эти оценки подкреплялись слабо. Старалась, как могла. Вгрызалась в учебник с желтыми засаленными, изрисованными страницами, пыталась вникнуть в правила и формулы. С русским и математикой было еще ничего, а вот химия и физика никак не давались. Физик, в прошлом моряк-подводник, перед уроком читал нужный параграф и пересказывал его нам. У химика на тот момент был роман с географичкой, и все, что мы с ним выучили, сводилось к названию элементов из таблицы Менделеева. Что железо, это феррум, а медь – купрум. Тогда я как-то даже и не задумывалась, что на самом деле может быть иначе. Казалось, что везде так. Выживай как можешь в силу своих способностей и кошелька родителей.

В конце девятого класса подруга решила переходить в другую школу (которая только-только получила статус гимназии) и позвала меня с собой. Так я оказалась в химико-биологическом, 10 «Б» классе, где классным руководителем был молодой, 33-летний учитель химии – Павел Иванович Козаренко, который за короткий промежуток времени стал предметом моих мечтаний, желаний, мыслей, дум, слез, забот, печали, радости и блаженства одновременно.

Глава 1 Школьные зарисовки

**Ноябрь
1995 г.**

– Девочки, что ты вы зачастили, – Павел Иванович зашел в класс, и увидел Олесю с Мариной, занятых уборкой, – какой-то у вас там странный график дежурств.

– Сегодня Вова с Андреем должны были дежурить, но их Елена Андреевна попросила собрать в мешки остатки листьев перед школой, пока не подморозило, – ответила Олеся, а Марина про себя многозначительно хмыкнула.

Девочки уже успели поднять стулья на парты и теперь собирались мыть пол. Олеся налила воду в жестяное ведро, Марина стояла рядом, держа в руках две швабры. Вид у нее был недовольный, ей скорее хотелось закончить это скучное и неприятное занятие. Она с некоторым омерзением смотрела на полурванные тряпки, колыхающиеся в ведре под струей воды, всем своим видом выказывая немой протест.

– Давайте я вам музыку включу, чтобы не скучно было, – предложил Павел Иванович, – правда выбор небольшой: «Воскресенье» или «Машина времени».

– «Воскресенье»? Я такую не знаю. Марин, согласна послушать?

– Мне все равно, – пробурчала подруга. Она очень хотела поскорее уйти домой, и это внеплановое дежурство ее раздражало: «Вечно Олесюшка ищет встреч с ПалИванычем, то уборка, то задание непонятно, объяснить ей нужно еще раз. Ей, и непонятно. Ага. Как же. И везде меня с собой таскает».

Павел Иванович принес из лаборантской магнитофон и поставил на стол на кафедре. «Кафедрой» в кабинете химии называли зону перед доской, помост, возвышающийся над уровнем пола на одну ступеньку. В отличие от линолеума, служившего напольным покрытием в ученической зоне, кафедра была деревянной, покрашенной в грязно-коричневый, с оттенками бордового, цвет. Практически всю ее поверхность занимал массивный лабораторный стол, оставляя за собой лишь узкий проход к доске и столу учителя в углу класса, у окна.

Пространство заполнила довольно странная музыка. Совсем не попса, под которую девочки лихо отплясывали на школьных дискотеках, и даже не «Машина времени», это было что-то другое: новый, туманный, загадочный стиль. Олеся слышала знакомые слова, но связать их в законченную и понятную фразу у нее не получалось. Что-то про дождь за окном, любовь, которая почему-то сменила цвет и уже не радует исполнителя. «А какой был цвет у любви раньше? И что это такое: цвет любви?» – Олеся пыталась вникнуть в смысл песни, одновременно ловко обходя шваброй ножки парты. «Что значит название группы? Это день недели или воскресение души? Наверное, второе», – продолжала размышлять девушка, ритмично и машинально натирая линолеум и думая о Павле Ивановиче. Он сидел за письменным столом и, казалось, не обращал внимание на девочек. Перед ним лежала внушительная стопка разноцветных общих тетрадей, он был углублен в процесс чтения, порой вздыхая и делая какие-то записи. Олеся изредка посматривала на него, хотела спросить про неизвестную группу, но не решилась беспокоить учителя.

Олесе нравились другие песни: тихие, душевные, мелодичные. Оставаясь наедине, она часто напевала вполголоса про тонкую рябину, калину у ручья да степного орла – лихого казака, который «каким был, таким остался». Иногда они пели в школе, с подружками-одноклассницами, рисуя стенгазету или проводя генеральную уборку в классе. На их дискотеках за редким исключением звучала ширпотребная попса, где к тексту лучше не прислушиваться, а полностью отдаться ритмичному, энергичному танцу. У большинства композиций смысла не было, словарный запас же ограничивался расхожей фразой «два словца и опять с конца». Группа «Воскресенье» под эти категории не подходила: в звучании музыки Олесе слышались

всего несколько аккордов на гитаре, фразы были не всегда понятные и не укладывались в ее голове в гармоничную, живую историю.

«В моей душе осадок зла
И счастья старого зола,
И прежних радостей печаль,
Лишь разум мой способен вдаль
До горизонта протянуть
Надежды рвущуюся нить
И попытаться изменить хоть что-нибудь».

Кассета закончилась, Павел Иванович отвлекся от проверки тетрадей, выключил магнитофон и посмотрел на Олесю. В его взгляде читалось любопытство, смешанное с некоторой долей легкого волнения.

– Как, Олеся, понравилось?

Он намеренно обратился именно к Олеся, понимая, что Марине такая музыка пришлось не по вкусу: близкие люди чувствуют друг друга издалека, с Мариной же они звучали на разной душевной частоте.

– Сложно как-то, я не знаю... – Олеся пожала плечами. Она хотела быть искренней с учителем, но при этом боялась его обидеть.

– Хочешь я тебе перепишу, дома послушаешь?

«Зачем я это сказал?», – подумал Павел.

– Ой, да? Спасибо... – робко и чересчур быстро прозвучали ответные слова девушки.

Предложение Павла Ивановича, неожиданное и отрадное, заметно сокращало дистанцию между ними, ведь кассетами обмениваются друзья. Возможно, учитель думал по-другому, но Олеся восприняла это как шаг навстречу. В ней только зарождалась любовь, она еще не до конца поняла, что влюблена, собственно, она и не думала, не разбиралась в этом, ничего не анализировала, просто жила. Ей было хорошо в присутствии Павла Ивановича, она предпочитала его уроки всем остальным, готова была заниматься химией целый день, убираться в классе, ходить на субботники, участвовать во всех школьных мероприятиях – обязательно вместе с ним. Олеся боготворила его как кумира, она никогда раньше не встречала учителей, глубоко преданных своему делу, у нее никогда не было классного руководителя, вникающего в проблемы класса. Он называл учеников по именам, редко бывал в плохом настроении, чаще шутил и прививал детям любовь к химии не путем кнута, а в большей степени пряника. Он был ярким, чрезвычайно резким контрастом все тому, что Олеся видела в старой школе.

Поэтому такое, казалось бы, обычное предложение, восприняла глубоко на свой счет и решила обязательно разобраться в непонятном тексте песен. Спустя несколько дней, дома, Олеся включила запись и, вслушиваясь в слова, переписывала их на листочки, пытаясь понять смысл. Ее пальцы старательно выводили тексты куплета:

«Мой друг художник и поэт
В дождливый вечер на стекле
Мою любовь нарисовал,
Открыв мне чудо на земле...
Сидел я молча у окна
И наслаждался тишиной,
Моя любовь с тех пор
Всегда была со мной...».

Философские, с оттенками меланхолии, местами откровенно грустные композиции Константина Никольского, заставляли пятнадцатилетнюю девочку задумываться о таких вещах, рассуждать о которых, а тем более понимать, было ей еще рано.

«...Моя любовь сменила цвет,
Угас чудесный яркий день,
Мою любовь ночная укрывает тень.
Весёлых красок болтовня,
Игра волшебного огня,
Моя любовь уже не радует меня...».

С тех пор слушать «Воскресенье» во время дежурства в классе стало для Олеси доброй традицией. Она замечала, что и Павел Иванович часто включает любимые композиции, сидя в своей каморке-лаборантской во время «окон» или после уроков, немного отвлекаясь от рутинной работы. Непритворные, искренние стихи Никольского их сближали, Олеся чувствовала некую избранность, особое отношение к ней Павла Ивановича и невинно, по-детски, этому радовалась.

Дневник Олеси, ей 15 лет

Я влюблена. Теперь я в этом уверена. Поначалу думала, что люблю учителя, а не мужчину. Ошибалась. Нельзя хотеть поцеловать учителя только потому, что он хороший педагог. И не думают об учителе денно и нощно. Я же просыпаюсь и засыпаю с мыслями о Павле Ивановиче. И в школу хожу, только чтобы его увидеть. Как же хорошо, что я пришла в эту гимназию. Помню, день, когда впервые его увидела. Мы пришли с мамой записываться в школу, в апреле предыдущего года, он сидел за столом в учительской, вел прием. Понравился ли он мне тогда? Сейчас мне кажется – влюбилась с первого взгляда. Но, наверное, это не так. Влюбилась я позже, в октябре, как-то незаметно. Где эта грань, где эта черта? Вот сегодня ты еще свободна, а завтра уже влюблена и привязана к объекту своего обожания невидимыми крепкими оковами. Захочешь – не отпустят. Что будет с нами? Хотя, почему с нами? Нет никаких нас. Есть я, ученица 10 класса «Б», и есть он – мой учитель химии и классный руководитель, женатый, с ребенком, старше меня, наверное, лет на двадцать. Вообще, интересно, сколько ему лет и когда у него День рождения. Какая разница, я все равно его люблю. Стыдно. Неправильно. Он женат. Женат. Ничего нельзя. И как это меня так угораздило... Я ведь ничего плохого не делаю. Люблю только... как запретить себе любить? Понимаю, что неправильно, а что делать? Обратно в старую школу уходить? Это невозможно. Что ж. Время покажет, как там будет.

Декабрь 1995 г., дискотека

– Пойдемте пригласим в наш круг ПалИваныча! – крикнула Ира, одна из учениц 10 «Б», пытаюсь успеть закончить фразу перед следующим оглушительным ударом музыки, рвущейся из двух огромных динамиков актового зала.

– Да он не пойдет! – возразил Вовка, рискуя сорвать голос, – вон, смотри, он там с физичкой разговаривает. Серьезный весь такой, на нас не смотрит.

– Что? Что? Не слышу? – Ира вприпрыжку подбежала к Вовке.

– Говорю, не смотрит он на нас!

– Так может и не смотрит, потому что завидно!

– Гы-гы, завидно! Охота ему тут с вами малолетками прыгать! – с некоторой злобой прокомментировала Оля из параллельного класса, невзначай оказавшись прямо за спиной Вовы.

– Олька, не злись, мы честно сегодня победили. Завидуй молча!

Ребята прыснули со смеху и продолжили отплясывать и «двигать попой» под оглушительный грохот «Джимми Джи и Мистер Босс», где куплеты состояли из несуществующих слов, а три слова припева побуждали их делать те самые движения ягодичными мышцами. В тексты вслушивались разве что учителя, детям было все равно подо что танцевать, лишь бы громко и ритмично.

Сегодня 10 «Б» одержал блистательную победу над 10 «А» в Брейн-ринге, и на дискотеке они гудели, шумели и смеялись сильнее обычного. Извечная конкурентная борьба двух классов уже стала притча во языцех для обитателей школы и порой переходила в шумные конфликты, решить которые удавалось только силами классных руководителей.

– Олеся, иди ты его позови! – не унималась Ира, хитро подмигнув, – он точно пойдет.

– Не, я не пойду... и не мечтайте, – парировала Олеся.

– Да ну, вас, скучные вы такие, ну же, давайте вместе, а? Вдруг пойдет? – поддержала Иру ее подруга Наташа.

– Олеся, ты с нами?

– Конечно, раз все, так и я, только говорить будешь ты, Ир.

Дружной толпой, разгоряченные и задорные, они подбежали к группе учителей.

– Павел Иванович, а пойдемте с нами танцевать? Мы сегодня заслужили, правда?

– Ребята, да мне как-то неудобно, уж лучше без меня, – ответил учитель и посмотрел на стоящую рядом учительницу физики – Марина Ивановну. Она лишь улыбнулась.

– Ну, Павел Иванович, ну пожалуйста... – начали в один голос клянчить Ира с Наташей, а Марина легонько толкнула Олеся в спину, побуждая к действию. Олеся проигнорировала намеки, будто не поняла.

– Идите-идите, Павел Иванович, раз молодежь требует. Меня-то не приглашают, ни мои, ни ваши – голос Марины Ивановны прозвучал с легкой ноткой напускной обиды.

Ее реплика была встречена бурными одобрительными возгласами, и Павлу Ивановичу ничего не оставалось, как согласиться.

Он встал в круг, оказавшись рядом с Олесей. Молодежь двигалась по воле сердца без каких-либо ограничений в стиле и не пытаясь следовать модным танцевальным направлениям. Они плясали от души, восторженно, беззаботно, с удовольствием. Молодой учитель присоединился к всеобщему ликованию и, не боясь косых взглядов (а они были), смешался с толпой своего дружного класса.

В тот вечер 10 «Б» еще долго приходил в себя, сидя в кабинете химии и шумно обсуждая такой удачный, феерический день. Сразу идти домой по морозу и пронизывающему декабрьскому холоду было категорически нельзя, да и не хотелось: пот лился градом, лица все еще оставались красными, глаза горели бешеным огнем, взъерошенные волосы нуждались в рас-

чески. В крайне возбужденном и безумно счастливом состоянии они сидели на партах, пели, дико смеялись по поводу и без, пока Павел Иванович не отправил их домой, мотивируя тем, что родители волнуются и давно уже ждут детей.

Олеся в эту ночь долго не могла уснуть, все вспоминала и вспоминала улыбающееся и такое счастливое лицо учителя, его руку на своем плече, когда они дружно встали в хоровод. В тот вечер у нее родилась идея пригласить его на медленный танец – совсем уже смелый поступок. Причем, что будет, если он откажет, она в тот момент думать не хотела. С этой мыслью Олеся уснула. Впереди были новогодние каникулы, и она уже точно знала, что будет по нему скучать.

Павел

В сентябре в гимназию пришло много ребят из других школ. Мой класс оказался самым маленьким, всего 17 человек. Почему-то большинство хотят изучать экономику, а не химию с биологией. Но оно и лучше, меньше проблем, больше внимания можно уделить каждому ученику. Ребята быстро сдружились, чему я был рад и по-настоящему счастлив. Все-таки учитель – мое призвание. Никогда не думал, что найду себя на этом поприще, но пути Господни неисповедимы: оказался в школе, прижился, оперился, заматерел. Не искал любимчиков, старался относиться ко всем равно, в душу не лезть, но и безразличным не быть. А тут она...

Некоторое время я был уверен, что мне все это кажется. Я достаточно трезво оцениваю свою внешность и понимаю – не Аполлон. И ростом не особо вышел, и лицо самое обычное, и возраст не 22 и даже не 25 лет. Все-таки перевалило за тридцать. С чего бы то такой молоденькой девчурке в меня влюбиться, когда вокруг столько сверстников? Да и ухажер у нее есть, из параллельного класса. Не знаю, какие там отношения, но он часто заходит за ней в наш кабинет, и на улице их вместе видели. А потом коллеги как-то стали намекать и хихикать невпопад (женский коллектив, лишь бы сплетни разводить). Директор и вовсе предостерег в открытую: если что – голову оторву. Вот так. Сразу перестал сомневаться и всерьез задумался.

И послал же Бог мне эти глазища. Иногда становится невозможно вести урок, приходится постоянно контролировать свой взгляд, потому что никто так жадно не ловит мои объяснения, как она. И мне хочется объяснять урок ей одной. Я польщен ее любовью, я чувствую, как наполняюсь жизнью от этих глаз, но меня беспокоят пересуды, уже всю идущие по школе. Не хватало еще в тюрьму попасть за соращение малолетки. Я намерен сделать карьеру и не отступлюсь от этого. Но и обижать Олесю не хочется, потому что (боюсь даже подумать), когда ее нет в школе, я испытываю некий эмоциональный голод. Этот взгляд со второй парты здорово поднимает мою самооценку. Высокая, стройная блондинка с чуть волнистыми волосами и серыми, почти голубыми, глазами; рассудительная, начитанная, немного замкнутая. Она стала для меня любимой ученицей. Так что пусть себе любит, мне не жалко и даже приятно. Только вот в последнее время я стал вспоминать о ней, находясь вне школы... Вот это настораживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.